

А. А. ПАВЛОВ, В. П. ЕФИМЕНКО

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...*

«Я <...> приступлю к рассуждению, руководствуясь правилом, которым, полагаю, следует руководствоваться при обсуждении всех предметов, если хотя бы избежать ошибки: если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступать к беседе; ибо никогда нельзя будет понять свойства обсуждаемого предмета, если сначала не понять, что он собой представляет».

Цицерон. О государстве I, 38.

Известная евангельская сентенция, вынесенная в заглавие, отражает не только христианское, но и античное (светское) мировосприятие. Невозможно представить Античность без риторики, как и грамматики, ставшей фундаментом для современного грамматического знания¹. Об особом отношении к слову и языку в целом говорит уже тот факт, что именно эти две дисциплины составляли основу школьного образования. Язык – мера человеческого бытия и мера человеческого познания. Цицерон, не будучи грамматиком, рассматривая в своем политико-философском трактате “De re publica” что есть государство, демонстрирует нам отправную точку любого исследования: «прежде, чем говорить о предмете, нужно определиться с самим понятием» (I, 38). Сформулированное им правило выражает общую доминанту античного сознания – восходить к первоначалу и давать толкование через него (даже если мыслительный процесс в реальности оказывается обратным, порождая массу так называемых этиологических мифов), следствием чего является та огромная роль, которая придавалась римлянами этимологии. Этимологизирование, хотя и никогда в Античности не достигло научного уровня², стало неотъемлемым средством познания и выражения действительности не только римских грамматиков и раторов, но и антикваров, историков и

* Рец. на кн.: Verrius, Festus, & Paul: lexicography, scholarship, & society / Ed. by Fay Glinister & Clare Woods with J. A. North & M. H. Crawford. London, 2007 (Bulletin of the Institute of Classical Studies Supplement 93).

¹ Прежде всего, в лице Доната (IV в. н. э.), создавшего учебник по грамматике для школы (Ars minor) и Присциана (V–VI вв.), написавшего “Institutio de arte grammatica” в 18 книгах.

² См., напр.: Cavazza. 2004. P. 65.

даже юристов³ на протяжении всей истории Рима, начиная с эпохи зарождения антикварно-грамматической историографии во II в. до н. э.

Антикварно-грамматическая историография составляет значительный пласт римской литературы и римского научного знания, к сожалению, до сих пор недостаточно освоенный и остающийся в значительной мере на периферии исследовательского поля. Лишь кардинальное изменение методологических подходов в области исторического знания и текстологии, ознаменовавшее последние декады XX века, привело и к переоценке значимости ряда античных текстов, не вошедших в «золотой фонд» римской художественной и исторической литературы⁴.

Одним из интереснейших сочинений указанного направления, в котором слились грамматические и этимологические изыскания и антикварность с ее обращением к социальным, политическим, религиозным и правовым институтам, является лексикографический труд «О значении слов», написанный грамматиком эпохи Августа Веррием Флакком, переработанный и сокращенный грамматиком II в. Сектом Помпеем Фестом и вновь epitomированный в VIII в. ученым-монахом Павлом Диаконом, полностью сохранившийся лишь в этом последнем варианте. Комплексному анализу этого труда и посвящено рецензируемое издание, ставшее плодом международного проекта “Festus Lexicon Project”, осуществленного на базе Института классических исследований лондонского университета под руководством Фэй Глинистер при поддержке Центра гуманитарных исследований и искусств⁵.

Во введении Фэй Глинистер, Джона Норта и Клэр Вудс даны краткие сведения о Веррии Флакке, Секте Помпее Фесте и Павле Диаконе. Авторы отмечают, что несмотря на важное значение «Словаря» читатель все еще не имеет ни его полного современного перевода⁶, ни его коммен-

³ Так, например, 50-я книга Дигест, основного источника по римскому праву, созданного Юстинианом в VI в. н. э., содержит титул «О значении слов», название которого повторяет титул сочинения римского грамматика I в. н. э. Веррия Флакка.

⁴ В определенном смысле следствием этих изменений стали недавние публикации переводов на русский язык сочинений Авла Геллия (*Авл Гелий*. Аттические ночи. Книги I–X; Книги XI–XX) и Валерия Максима (*Максим Валерий*. Достопамятные деяния и изречения), а также исследований, посвященных римской антикварной и грамматической историографии: *Тристенко*. 1993. С. 175–206; *Сидорович*. 2005; *Петрова*. 1999; *Она же*. 2001; *Она же*. 2009.

⁵ См.: <http://www.ucl.ac.uk/history2/research/festus/index.htm> (апрель, 2010).

⁶ Имеется единственный французский перевод А. Савагнера: *Sextus Pompeius Festus. De la signification des mots*. 1846. Vol. 1–2. Первая попытка полного перевода epitомы Павла на русский язык предпринята А. А. Павловым: *Павел Диакон*. О значении слов...

тария⁷; есть лишь анализ отдельных его статей, что не позволяет взглянуть на него как на самостоятельный цельный и сложный текст. Именно в этом видят свою задачу авторы, добиваясь ее решения сосредоточением внимания на трех концентраторах: состоянии лексикографии и грамматической науки в эпоху поздней республики и ранней империи; информативной ценности текста Феста для понимания реалий римского общества; проблеме передачи и сохранения текста в постклассический период.

Первая часть исследования⁸ включает в себя три работы. Ф. Глинистер посвятила свою статью «Конструируя прошлое»⁹ рассмотрению исторического фона, а также авторству и аудитории «Словаря». Она ставит перед собой несколько задач: понять, как и с какой целью создавался «Словарь», как он использовался в Античности, что он дает для реконструкции римской истории и историописания. Ф. Глинистер исходит из того, что текст Феста (несмотря на то, что он произвел значительные сокращения, а также сделал некоторые дополнения и, возможно, перегруппировку отдельных статей) в целом восходит к не сохранившейся работе Веррия Флакка. С целью лучшего понимания метода создания текста Фестом, автор статьи сопоставляет сохранившуюся часть его текста с дошедшими до нас книгами “*De lingua Latina*” (далее — LL) Варрона, написанных в 43 г. до н. э. Между этими двумя работами, по мнению Ф. Глинистер, имеется тесная и очевидная связь. Автор находит ряд параллелей: в одних случаях и Варрон, и Веррий анализируют одно и то же слово, используют тот же самый материал или дают одну и ту же информацию (*casmenae / camenae* 59.3P; 222.25F; ср. *Varro*. LL. VII. 26-28); в других случаях язык «Словаря» фактически идентичен языку Варрона, что может говорить о том, что Веррий скопировал пассаж Варрона; оба грамматика для иллюстрации используют одни и те же примеры ранних латинских поэтов и драматургов (Энний, Невий, Плавт). Имеются случаи, когда Варрон и Фест используют одну и ту же этимологию, анализируя слово. По мнению Ф. Глинистер, все это демонстрирует, что работа Варрона “*De lingua Latina*” была важным источником для «Словаря» Веррия, но далеко не единственным, ибо работа Веррия, состоявшая из 40 книг, была значительно большей по объему, по сравнению с Варроном. Отличия Веррия от Варрона проявляются в ряде случаев, например, в интерпретации тех или иных слов (e. g.: *strebula*; 410.28F, 411.10P; *Var-*

⁷ Наиболее основательным является комментарий, изданный П. Пиерони. Однако он касается только сохранившегося текста Феста: *Pieroni*. 2004.

⁸ См.: *Lexicography and scholarship*. P. 11–68.

⁹ См.: *Glinister*. *Constructing the past*. P. 11–32.

ro. LL. VII. 67); в цитатах, взятых у неизвестного автора Куриация, которые Веррий приводит независимо от Варрона (166.7F; 174.20F); во включении Веррием в свой текст материала близких ему по времени авторов (Лукреция и Цицерона). По мнению Ф. Глинистер, Веррий использовал “De lingua Latina” (наряду с некоторыми другими сочинениями) как «грамплин» для своей работы, хотя иногда и подчеркивал свою независимость от Варрона, не соглашаясь с теми или иными его объяснениями.

Далее Ф. Глинистер рассматривает вопрос об аудитории и читателей «Словаря», встающий в связи с новой организацией материала: не тематической, предпочтительной в Античности, и имевшей место у Варрона, а алфавитной. Очевидно, это была первая латинская работа, построенная таким образом. По мнению автора, алфавитный порядок не облегчал, а затруднял работу с текстом, ибо большинство работ были предназначены для чтения вслух. Этот тезис автор подтверждает анализом социокультурной обстановки эпохи Августа и сведениями из жизни Веррия, биография которого изложена Светонием в книге «О грамматиках». «Словарь» был написан в эпоху кардинальной трансформации римской жизни, предпринятой Августом. Веррий, будучи вольноотпущенником и наставником его внуков, находился в тесных отношениях с Августом и был зависим от последнего. Он принадлежал новому миру лиц, вознесшихся не через унаследованный статус, а через службу и императорское покровительство. Работа Веррия находится в русле идеологии Августа: двумя ее центральными блоками являются римская (около 150 статей) и итальянская топография (около 100 статей), воспринимаемая в контексте мифологии и обычаев римлян и итальянцев, что, с одной стороны, демонстрирует неразрывность прошлого и настоящего, с другой, подчеркивает не «завоеванность», а «равенство и интегративность» итальянского населения. Ф. Глинистер заключает, что в условиях смены элит должна была произойти и смена слоя, контролирующего знание и управляющего его распространением. Иная систематизация материала у Веррия стала, по мнению автора, ответом на эту кардинальную смену парадигм, ответом на запрос реорганизации знания эпохи Августа.

Статья Мари-Карин Ломме «Варрон и Веррий во II в. от Рождества Христова»¹⁰ посвящена сопоставительному анализу значения Варрона и Веррия для авторов II в. н. э. Автор приходит к иному, чем Фей Глинистер, выводу относительно использования Веррием текста Варрона, ставя

¹⁰ *Lhommé Marie-Karine. Varron et Verrius au 2ème siècle après Jésus-Christ. P. 33–48.*

на первый план тот факт, что Варрон, несмотря на частое цитирование другими авторами II в. н. э., Фестом упоминается спорадически (из 461 известного фрагмента Варрона лишь 22 восходят к тексту Феста). Ломме замечает, что хотя Фест, перерабатывая текст Веррия, исключил ряд статей и сократил оставшиеся, это не объясняет столь редкого цитирования Варрона, чей текст должен был быть хорошо известен Веррию, жившему позднее его на 60 лет. Ломме сопоставляет цитаты Варрона у Феста, сравнивает этимологические объяснения, имеющихся у обоих авторов. По ее мнению, Веррий скорее критичен к Варрону в своем стремлении отличиться от него. Ломме также замечает, что ко II в. н. э. сведения о Веррии оставили Овидий, Плиний Старший, Светоний, Порфирий, Фест и Авл Геллий. Последний упоминает Веррия 6 раз, тогда как Варрона – 84. Для Геллия, изображающего себя постоянно погруженным в чтение Варрона, его авторитет почти непререкаем (из 84 цитат только 2 критичны). В отношении же Веррия Геллий не столь сдержан. Персонажи его произведения обращаются к трудам Веррия как справочным, для нахождения скорого ответа, но его мнение всегда дискутируется. И хотя Геллий сообщает, что Веррия относят к авторитетам, сам он таковым его не считает. Согласно Ломме, основным информатором о Веррии является Фест, который ссылается на него около 20 раз. Он также критичен к тексту Веррия, выражая неудовлетворение тем, что объяснения Веррия не являются чисто грамматическими, указывая на его противоречия и ставя под сомнение ценность его объяснений. Но, несмотря на критику Веррия, само переложение Феста, задавшегося целью создать более удобную в использовании версию его текста, как и то, что он не посчитал себя вправе кардинально трансформировать текст при его сокращении, свидетельствует, по мнению Ломме, о высоком авторитете Веррия во II в. н.э. Однако, как полагает Ломме, по сравнению с Варроном, Веррий был второстепенным грамматиком, чему не противоречит то, что Варрон игнорируется в «Словаре». Веррий не столько пренебрегает Варроном, заключает Ломме, сколько просто оставляет его в стороне.

Статья Дж. Норта «Почему Фест цитирует то, что он цитирует»¹¹ посвящена методике работы Веррия с источниковым материалом и его источникам. Норт задается вопросами: почему Фест цитирует лишь определенных авторов, прежде всего ранних (тогда как современные могли бы быть более подходящими); почему он регулярно заимствует из литературных источников, но не использует антикваров; являются ли приво-

¹¹ North J. A. Why Festus quotes what he quotes. P. 49–68.

димые им цитаты результатом его собственного прочтения текстов или унаследованы от традиции? Следуя собственной методике подсчета, Норт насчитал у Феста 780 цитат, из которых 398 приходится на драматические произведения, а 212 на другие поэтические тексты. Основная их масса относится к периоду III–II вв. до н. э. (от Ливия Андроника до Акция и Луцилия). Цитаты авторов I в. до н. э. минимальны (53). Чаще всего цитируются Плавт (150), Энний (140), а также Пакувий (50) и Луцилий (55); ни разу – Цезарь, Овидий. Единственным прозаическим автором, регулярно используемым Фестом, является Катон Старший (110); историки и антиквары после Катона, как и ораторы, упомянутые Цицероном в его трактате «Брут», не приводятся вовсе. По мнению Норты, это могло быть связано с целью труда Феста, в котором примеры используются для демонстрации и объяснения трудностей архаических словоформ. Варрон зачастую использовал те же примеры, что согласно Норте должно указывать на наличие более ранних сборников собраний цитат. На существование таких сборников, по мнению Норты, косвенно может указывать работа антиквара I в. до н. э. Л. Цинция “*De verbis prisicis*”, в которой Цинций, в отличие от Феста, использует настоящее время, тогда как Фест – прошедшее, стремясь показать, что современный ему латинский язык отличен от языка древних. Для Феста нет необходимости в цитатах позднереспубликанского и раннеимператорского времени, поскольку он разъясняет устаревшие институты, ритуалы, топонимы. Но даже и тогда, когда контекст современен латинскому автору, он прибегает к цитатам древних – очевидно использовать готовые цитаты из имеющихся собраний было проще для Феста, чем искать современные примеры.

Отвечая на вопрос: «Как собирались цитаты?», – Дж. Норт приходит к выводу, что, скорее всего, это происходило посредством исследования отдельных текстов, из которых выбирались случаи, требующие разъяснения, с распределением результатов такого разъяснения в алфавитном порядке. Подтверждением этому не только служат работы типа “*De obscuris Catonis*” Веррия, но и сам материал «Словаря», содержащий группы статей с примерами, взятыми у одного автора, а также цитаты авторов, появляющиеся всегда в определенной последовательности и в соответствии с порядком книг оригинала. При попытке определить к какому времени относится начало сложения сборника примеров, Норт анализирует появление цитат из Луцилия (полагая, что их наличие в текстах могло бы быть отправным ключом при определении датировки собрания). Дж. Норт приходит к выводу, что цитирование Луцилия отлично от цитирования архаических авторов, так как внимание составителя такого

сборника сосредоточено не на конкретных примерах архаического словоупотребления, а на разъяснении самого текста и проблем в нем поднимаемых. Норт заключает, что своеобразный набор цитат Феста воспроизводит уже сформировавшийся в своей основе в начале I в. до н. э. набор цитат, когда поэзия от Ливия до Луцилия и Акция составляла основу латинской литературы. Поздние грамматики лишь добавили отдельные поздние цитаты, но в основном использовали уже сложившиеся сборники цитат: канон цитируемых авторов уже сложился ко времени Веррия. Отсутствие цитат из прозаических текстов (кроме Катона Старшего) свидетельствует, скорее, о нежелании использовать не столько поздние источники, сколько прозаические источники вообще.

Вторая часть¹² сборника включает статьи Филиппа Моро и Ребекки Флеминг. В статье Моро «Лексика Феста как свидетельство зарождения науки о родственных связях в Риме»¹³ анализируются термины родства в текстах Феста и Павла, дающие информацию о генеалогической близости двух индивидов (28 статей). Для обозначения позиции индивида Фест, подобно юристам, использовал (379.6F *sobrinus*) понятия *gradus* (степень [родства]), опущенное Павлом, и *persona* – абстрактное лицо, отличное от автора, референтная точка, от которой идет отсчет (13.8P *amita*); это указывает на то, что Фест был знаком с юридическими трактатами “*de gradibus cognationis*”, существовавшими уже в конце Республики. Однако, замечает Моро, если для юристов определение степени родства было связано с наследственным правом, то для Веррия на первом месте стоит этимология, чем могут объясняться некоторые его ошибки (13.8P *amita*; 13.3P *avunculus*). Моро полагает, что источником о степенях родства Веррию послужила работа Элия Галла, к которому полностью или частично восходят 19 глосс, у Феста. Моро попытался реконструировать содержание и структуру сочинения Галла. По его мнению, труд Галла был посвящен гражданскому праву, состоял из 2-х книг и был организован тематически, а не по алфавиту. По своему характеру он мог представлять комментарий к преторскому эдикту. Особое внимание Моро уделил глоссе, в которой Фест сообщает о норме, связанной с трауром (144.3F *minutur populo luctus*), где речь идет о причинах сокращения времени траура. Одна из таких причин – рождение лица, более близкого по крови, чем тот, кого оплакивали, что, по мнению автора, должно было

¹² Festus and Roman society. P. 69–108.

¹³ Moreau Philippe. Le Lexique de Festus. Témoin de la naissance d’une science de la parenté à Rome. P. 69–86.

ставить практическую задачу определения степени родства между всеми членами семьи. Правила траура и контроль за их исполнением обычно связываются с великим понтификом, а создание коллегии понтификов, в свою очередь, – с Нумой. В этой связи, полагает Моро, наряду с юридической (наследство), существовала и культовая необходимость в выработке специальных категорий, фиксирующих отношения родства, так что уважение правил траура стало одним из мотивов, наряду с наследованием имущества, формирования абстрактных категорий родства.

Статья Ребекки Флемминг «Фест и роль женщин в римской религии»¹⁴ является попыткой переосмыслить, опираясь на текст Феста, роль женщин в римской религии. Автор видит свою задачу в переосмыслении тезиса Шайда о «сакральной несостоятельности» женщин, который стал основанием для вывода об их маргинальной роли в римской религии. Флемминг отвергает и два других, связанных с первым, тезиса о том, что женщины, не имея своего места в римской религии, либо вторгались в мужское пространство (весталки, фламиники, царица священнодействий), либо исполняли обязанности в иностранных культах (Цереры, Изиды). Для обоснования выводов Флемминг рассматривает три проблемы: участие женщин в жертвенной практике и священнодействиях; известный запрет употребления вина для женщин; культ Цереры в Риме.

По мнению Флемминг, запрет женщинам участвовать в священнодействии, встречающийся у Павла (72.10P exesto), не является общим, а относится к определенному ритуалу: достоверно известно об удалении женщин из незначительного числа ритуалов (например, в честь Митры). Флемминг отвергает идею Шайда, опирающегося на Плутарха, об отстранении женщины от приготовления сакральных продуктов, поскольку, с одной стороны, у Плутарха речь идет о мифологическом прошлом, с другой, известно, что весталки участвовали в приготовлении *mola salsa* (57.1P *casta mola*), и эта их функция должна быть соотнесена с функцией женщины в домашнем культе. Одним из аргументов, приводимых в пользу сакральной несостоятельности женщин, согласно Флемминг, является запрет женщинам употреблять вино, который также связывается с запретом жертвоприношений. Он строится на запрете, упоминаемом Авлом Геллием (X. 23), употреблять женщинам *temetum* (чистое неразбавленное вино) и разрешении употреблять особые виды напитков (*lorea*, *passum*, *pitgna*, *dulcia*). Однако, по мнению Флемминг, речь идет не о запрете как таковом, а о запрете чрезмерного потребления, что связано с этиче-

¹⁴ *Flemming Rebecca*. *Festus and the role of women in Roman religion*. P. 87–108.

ской регламентацией. Запрет, как считает Флемминг, связан с запрещением пить неразбавленное вино (какое полагается богам), что распространяется и на мужчин, и на женщин. Кроме того, Флемминг доказывает использование женщинами вина в жертвоприношениях, опираясь на Плутарха (RQ 57) и Феста (455.14P). Последний сообщает, что женщины, участвовавшие в священнодействиях и использовавшие *simpulum* (сосуд для вина), именовались *simpulatrices*. Все это, по мнению Флемминг, бросает вызов тезису о сакральной неполноценности женщины.

Далее Р. Флемминг рассматривает культ Цереры в Риме, выделяя два пласта: архаический (освящение храма плебейской триады Цереры, Либера и Либеры в 493 г. до н. э.) и новый (III в. до н. э.), с которым связывает информацию Феста (86.7P Ггаеса сага). По мнению Флемминг, в новом культе обязанности исполняли только женщины; он не был связан с запретом возливать вино (запрет относился только к ритуалу свадьбы Орка). Более того, автор исследования, опираясь на Цицерона, утверждает, что хотя и сам ритуал, и его жрицы, были заимствованы из Греции, сами жрицы исполняли его за римский народ и как римские гражданки. Такой ритуал был интегрирован в римский культ, в связи с чем жриц Цереры возможно сопоставить с весталками, царицей священнодействий и фламиникой. Таким образом, и этот культ, как полагает Флемминг, свидетельствует о включенности женщин в римскую религиозную практику.

Свои рассуждения Флеминг подкрепляет ссылками на статьи Феста, в которых сообщается о женщинах, участвующих в жертвоприношениях: помимо весталок, фламиник и жриц Цереры, Фест упоминает *simpulatrices*, *piatrix*, *saga*, женщин, возливающих молоко Румине, поклоняющихся Геркулесу-Сильвану. Закljučая, Флеминг осторожно замечает, что представление о жертвенной неспособности женщины, исходящее из предполагаемого их отлучения от главных элементов жертвенного ритуала, должно быть заменено, но не его инверсией, а представлением лучше учитывающим особенности римской религиозной жизни. По мнению Флеминг, можно говорить об эгалитарности нижнего слоя римской религии, ибо римская космология предполагает универсальную возможность взаимоотношений с богами, а римская конституция допускает равное участие женщин в религиозной власти (хотя они и были отстранены от политической и военной), в том числе в создании представителей общины в сфере религии как со стороны мужчин, так и со стороны женщин.

Третью часть¹⁵ сборника открывает статья Клэр Вудс «Вклад в библиотеку короля: эпитама Павла Диакона и ее каролингский контекст»¹⁶. Вудс ставит своей целью создание более современного (по сравнению с изданием Линдсея) списка средневековых рукописей, содержавших эпитаому Павла. Параллельно с этим она рассматривает и ряд других вопросов, а именно: где была написана эпитама, какой вклад внесло ее появление в интеллектуальную культуру при дворе Карла Великого, каким было ее значение в отношениях между Павлом и последним.

У Линдсея дан список из 12 рукописей, датированных X–XI вв. Девять из них К. Вудс относит к IX в., а также дополняет список рукописями, датированными вплоть до XIV в. Согласно ее перечню к IX в. относится 10 (11) рукописей, к X в. – 3, к XI в. – 1, к XII в. – 1 (2), к XIII в. – 1 (возможно еще 4), к XIV в. – 4. Анализ их темпорального появления привел автора исследования к интересным заключениям. К. Вудс отмечает, что интерес к тексту Павла был утрачен уже в X в., оставаясь низким до XIV в. Вместе с тем, в это время наблюдается трансформация текста Павла. Он либо интерполируется в структуру других текстов (Leiden BPL 191; XIII–XIV вв.), либо организуется в правильном алфавитном порядке. Первая такая попытка была сделана в рукописи Philips / Austin XI в.; в полном виде алфавитный порядок статей реализован в английской рукописи XII в. (TCL, но также Paris B.N. Lat. 10295 и Oxford Balliol College 155), когда интерес к тексту Павла достиг низшей точки. Вудс также отмечает, что снижение интереса к эпитаоме совпадает с повышением интереса к лексикографии, ставшей в этот период важным элементом в культурном и схоластическом образовании. Это, в свою очередь, привело к тиражированию новых словарей, с чем могло быть связано и создание копий с полным алфавитным порядком, с целью облегчения работы с ними современным лексикографам. К XV в. относится более 100 копий гуманистов (практически все созданы в Италии), которые восходят, очевидно, к рукописи, найденной в 1417 г. Подджо Бартоломео.

Рассматривая вопрос о времени создания эпитаомы, К. Вудс указывает на наличие двух точек зрения: она была создана либо при дворе Карла, где Павел находился с 781/782 по 786 г. (что, возможно, предполагает наличие полного текста Феста при дворе); либо после того, как Павел возвратился в Монте Кассино в 786 г. Вудс полагает, что если бы

¹⁵ The transmission of Festus and post-classical scholarship. P. 109–158.

¹⁶ Woods Clare. A contribution to the king's library: Paul the Deacon's epitome and its Carolingian context. P. 109–136.

текст Феста существовал при дворе Карла, то Павел вряд ли бы написал в посвящении, адресованном франкскому королю, слова: «желая что-либо добавить к вашей библиотеке». На вопрос: «Откуда могла происходить рукопись Феста?», Вудс отвечает так: очевидно из библиотеки монастыря Монте Кассино, в котором Павел находился после направленного против власти Карла в Италии Фриульского восстания 776 г., во время которого брат Павла оказался в плену у Карла. То, что там не найдено ни одной рукописи, что побуждает исследователей считать, что она создана при дворе, объясняется тем, что у нас нет сведений о том, какие фонды имела монастырская библиотека в VIII в., поскольку сам монастырь был разрушен сарацинами в 883 г. Вудс отмечает, что следы эпитомы можно найти в двух рукописях из Монте Кассино (MS 90 и Vat. Lat. 1469). Эти рукописи относятся к XI в. и содержат выдержки из Феста и Павла, что предполагает существование эпитомы Павла в центрально-южной Италии. Этот факт не доказывает того, что текст составлен в Монте Кассино, но должен исключить аргумент *ex silentio*, приводимый в доказательство того, что эпитома была составлена при дворе. Текст Феста всегда был редок, о чем свидетельствует единственная плохо сохранившаяся копия XI в., происходящая из Италии. Частично текст Феста также сохранился в глоссариях, условно называемых *Abstrusa-Abolita* и *Aa*, восходящих к VII – нач. VIII вв., которые также были созданы в центрально-южной Италии. Павел использовал работу Феста не только при создании эпитомы, но и при написании других своих сочинений («Истории лангобардов», «Записок о правлении Бенедикта»), что были созданы в Монте Кассино. Все это, по мнению Вудс, может указывать на Монте Кассино как на место создания эпитомы. Однако вопрос «где?» предполагает и вопрос «когда?», на которые вновь помогает ответить «Посвящение Павла». Вудс замечает, что в своей преамбуле Павел определяет свой труд как *munusculum* – небольшой подарок; он ничего не говорит о выполнении некой миссии, ставшей ответом на просьбу или поручение Карла, а в заключении пишет, что если подарок понравится, то это поощрит его продолжить работу. На основании анализа «Посвящения», Вудс заключает, что из текстов, созданных для Карла, это, очевидно, первый. Все это, по мнению Вудс, должно говорить о том, что Павел подарил эпитому Карлу либо в 781 г., когда король был в Италии на помазании своих сыновей, либо в 782 г., когда Карл отправился ко двору умолять об освобождении своего брата. В своем «Посвящении» Павел акцентирует внимание на Риме, он пишет, что Карл найдет здесь информацию о грамматике и этимологии, столкнется с обсуждением слов, касающихся города Ромула,

его врат, улиц, холмов, мест, триб. Как замечает Вудс, посвящение такого рода могло как нельзя лучше быть связано с посещением Карлом Рима.

В статье «Ватиканские латинские кодексы 1549 и 3369 и страницы, потерянные из Codex Farnesianus»¹⁷, написанной Джованной Манчини, обсуждается проблема трансформации текста Феста, сохранившегося в единственной испорченной рукописи (Codex Farnesianus), и рассматриваются две рукописи гуманистов, находящиеся в Ватиканской библиотеке (Vat.Lat. 1549 и 3369), с целью определения характера утраченных ныне частей рукописи Феста. Дж. Манчини обратилась к проблеме структуры текста Феста и ее трансформации, в связи с исследованием муниципий и института гражданства. Она обращает внимание на порядок лемм Феста и Павла, отмечая, что он не совпадает. Это касается леммы *municipiceps* (126.16F/117.5P). Более того, содержательно близкая к ней лемма *municipium* находится у Павла обособленно (155.7P), а у Феста и вовсе отсутствует. Дж. Манчини исходит из того, что страницы Codex Farnesianus при переписывании были перемещены, что привело к нарушению порядка текста. Сопоставляя тексты кодексов (Vat.Lat. 1549 и 3369), Дж. Манчини пытается выяснить реальное расположение утраченных в Codex Farnesianus частей и дать объяснение причинам такой трансформации. Она не связывает ее с деятельностью Павла, но полагает, что текст Павла восходит не к имеющемуся Codex Farnesianus, а к его копии, в которой, очевидно, лемма *municipium* следовала непосредственно за леммой *municipiceps*.

Завершается книга библиографическим списком (р. 159–169) и различными вспомогательными указателями (р. 171–191).

Несмотря на небольшой объем, книга, несомненно, заслуживает внимания. Она не столько закрывает проблему, сколько, напротив, призвана стать отправной вехой для последующих исследований «Словаря» Феста, демонстрируя положительный пример совместного сотрудничества исследователей различных направлений (историков, филологов, правоведов) из разных стран (Англии, Франции, Италии). Именно это дало возможность впервые за последние десятилетия комплексно подойти к анализу «Словаря» и его эпохи, изучить причины появления и пути формирования текста, особенности его бытования, передачи и влияния на средневековую и гуманистическую историографию, его значение для реконструкции архаических институтов и истории Рима. Важно отме-

¹⁷ Mancini Giovanna. I codici Vaticani Latini 1549 e 3369 e le pagellae perdute del codice Farnesiano. P. 137–158.

тить, что в своем анализе авторы стремятся к максимальной объективности, тщательной аргументации высказываемых положений, доказательности выводов. Мы фактически не встречаем поверхностной критики римской традиции, которая до сих пор принимается многими западными исследователями, особенно в отношении традиции исторической¹⁸.

Нам представляются особенно продуктивными и стимулирующими дальнейшие исследования вывод Ф. Глинистер относительно алфавитного построения «Словаря», как нового способа организации материала, заданного переломной эпохой и идеологией Августа, и заключение Р. Флемминг об эгалитарном характере низового слоя римской религии и месте в ней женщины, игравшей самостоятельную роль в сакральной практике. Позитивным следует признать вывод Ф. Моро о существовании религиозных оснований для определения степеней родства, помимо правовых, но следует подчеркнуть, что во времена, когда формировалась эта градация родства, право и религия были весьма тесно переплетены, представляя собой, в определенной степени, неразрывный комплекс регламентаций, что осталось вне анализа автора. Мы вполне солидарны с заключениями К. Вудс о времени и месте составления эпитомы Павлом Диаконом, поскольку ее аргументация не вызывает возражений. В целом, следует согласиться и с выводами и Дж. Норта относительно причин цитирования Фестом тех или иных источников. Однако это исследование могло бы несомненно выиграть, если бы автор попытался сопоставить практику цитирования Феста с таковой у других грамматиков и антикваров. Заключение М.-К. Ломме относительно использования Веррием Флакком “*De lingua Latina*” Варрона, оказались противоположными тем, что сделаны Ф. Глинистер, хотя когда из 25 книг текста Варрона мы имеем лишь шесть (V–X), а от текста «Словаря» Феста до нашего времени дошла с огромными лакунами часть от буквы М до V, однозначный вывод едва ли возможен. То же можно сказать и относительно вывода Дж. Манчини об использовании Павлом Диаконом иной, отличной от *Codex Farnesianus*, копии Феста для создания своей эпитомы, хотя тщательность проделанной автором работы вызывает доверие и уважение.

Остается сожалеть, что организаторам не удалось привлечь к проекту более широкий круг участников, что позволило бы расширить круг

¹⁸ См., напр.: *Flach D.* Die Gesetze der früheren Römischen Republik: Text und Kommentar. Darmstadt, 1994 и рецензию на нее В. В. Дементьевой (IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 2 [5]. С. 215–220); *Mitchell R. E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca&London, 1990 и нашу рецензию на нее: Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 32–49.

рассматриваемых проблем. Среди таковых могли бы быть, например, и структурный анализ текста «Словаря» (что позволило бы лучше понять структуру римского знания и ценностей), и этимологические построения его автора, и принципы этимологизации, присущие римской традиции в целом. Немаловажным было бы и определение места «Словаря» в рамках римской традиции, путей ее формирования и передачи в различных аспектах (религиозных, правовых, социальных).

Хочется надеяться, что, несмотря на завершение проекта, авторы сборника продолжат работу над изучением «Словаря», а его издание привлечет новых исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авл Гелий*. Аттические ночи. Книги I–X / Пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007.
- Авл Гелий*. Аттические ночи. Книги XI–XX / Пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008.
- Максим Валерий*. Достопамятные деяния и изречения / Пер. с лат. С. Ю. Трохачева. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2007.
- Павел Диакон*. О значении слов / Пер. А. А. Павлова // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 4. Сыктывкар, 2009.
- Петрова М. С.* Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 6. 2001.
- Петрова М. С.* Рецепция донатовой “*Ars grammatica*” Кассиодором Сенатором // Диалог со временем 28. 2009.
- Петрова М. С.* Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: “*Ars minor*” Доната // Диалог со временем 1. 1999.
- Сидорович О. В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н. э. М., 2005.
- Трутенко Б.* Авл Гелий и его книга «Аттические ночи» // *Геллий Авл*. Аттические ночи. Томск: «Водолей», 1993.
- Cavazza F.* Gellius the Etymologist: Gellius’ Etymologies and Modern Etymology // The worlds of Aulus Gellius / Ed. L. Holford-Strevens. Oxf., 2004.
- Pieroni P.* Marcus Verrius Flaccus’ “*De significatu verborum*” in den Auszügen von Sextus Pompeius Festus und Paulus Diaconus. Einleitung und Teilkommentar (154, 19 – 186, 29 Lindsay). Frankfurt am Main, 2004. (Studien zur klassischen Philologie Band 147).
- Sextus Pompeius Festus*. De la signification des mots. Paris, 1846. Vol. 1–2.

Павлов Андрей Альбертович, доцент кафедры истории зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета; aapavlov@rambler.ru

Ефименко Владимир Петрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского государственного университета; philology@syktsu.ru